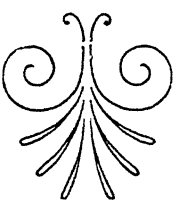
А. Кизеветтеръ.

Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи Россіи.



Изданіе
Н. Парамонова.
„Дѣйская Рѣчь"
Ростовъ н-Д.

„Пров 38“

Дозволено цензурою 29 Іюня 1905 года. Ростовъ на Дону.

45093.

Ростовъ на Дону.
Акціонерная печатня.
1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вступленіе 5

I. Преобразовательные опыты въ царствованіе Александра I . 8

II. Секретные комитеты въ царствованіе Николая I 22

III. Крѣпостная Россія первой половины XIX вѣка 30

IV. Реформы 60-хъ годовъ 35

V. Пореформенная Россія второй половины XIX вѣка 46

XIX вѣкъ въ исторіи Россіи.

Первый годъ XIX ст. начинался для Россіи при особенно счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Съ началомъ новаго столѣтія начиналось и новое царствованіе. Въ мартѣ 1801 года Россію облетѣла вѣсть о вступленіи на престолъ императора Александра I.—вѣсть не замедлившая вызвать необычайный взрывъ общественной радости. Вѣсть о перемѣнѣ царствованія была принята обществомъ, какъ вѣсть воскресенія. Улицы наполнились народомъ. Толпа пестрѣла запрещенными при Павлѣ національными костюмами, всюду сновали тройки въ опальной передъ тѣмъ русской упряжи. Встрѣчные христосовались другъ съ другомъ, какъ въ день Свѣтлаго праздника. Появленіе молодого государя, который гулялъ по улицамъ столицы одинъ, безъ конвоя и свиты, вызывало неописуемый энтузіазмъ. Обильнымъ дождемъ посыпались навстрѣчу новаго царствованія восторженныя оды, дышавшія надеждой на свѣтлое будущее, и въ этотъ моментъ русская ода, быть можетъ, впервые сбросила съ себя привычные оковы мертвенной риторики; въ ней тоже вдругъ зазвенѣло живое, искреннее чувство.

Въ эти достопамятные дни всеобщаго ликованія одинъ молодой энтузіастъ тайкомъ проникъ въ кабинетъ государя и положилъ на царскій столъ объемистую рукопись.

Рукопись заключала въ себѣ горячую политическую исповѣдь. Крупными и смѣлыми штрихами здѣсь была набросана картина тѣхъ преобразованій, которыя должны создать будущее благоденствіе Россіи. Тутъ говорилось о томъ, что «другъ людей» Александръ укрѣпитъ въ обществѣ вѣру въ правосудіе, «безъ которой почтенныя слова: гражданинъ, отечество суть пустые звуки на языкѣ отечественномъ». Здѣсь предсказывался судъ присяжныхъ—судьи, избранные изъ народа—и подчиненіе суда общественному мнѣнію. Здѣсь говорилось о необходимости широкаго распространенія образованія во всѣхъ слояхъ народа: «не въ чертогахъ только—говорилось въ запискѣ—замкнутся науки и художества, они будутъ служить воспитанію *всего* народа, поднятію его благоденствія, послѣ того, какъ Александръ разрѣшитъ узы ума и таланта». Наконецъ, авторъ записки подчеркивалъ неизбѣжность и соціальной реформы: «Александръ обезпечитъ права человѣчества въ помѣщичьихъ крестьянахъ, введетъ у нихъ собственность, поставитъ предѣлы ихъ зависимости».

Въ порывѣ увлеченія авторъ записки высказывалъ твердую увѣренность, что всѣ эти великія преобразованія совершатся и завершатся въ теченіе одного царствованія. Онъ и не подозрѣвалъ, что его пылкое перо набросало программу цѣлаго столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ: преобразованіе суда и управленія на началахъ строгой законности, уничтоженіе крѣпостного права и уравненіе всѣхъ сословій въ ихъ гражданскихъ правахъ, наконецъ, всеобщее обученіе народа и равномѣрное распространеніе просвѣщенія по всей странѣ,—развѣ все это—не тѣ самые вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ упорно и настойчиво работала цѣлая вереница поколѣній русскихъ людей, смѣнявшихъ другъ друга на жизненной сценѣ въ теченіе всего XIX столѣтія? XIX столѣтіе пережито. Оно уже предстаетъ на судъ исторіи, и мы не можемъ не спросить себя: что же дало это столѣтіе русскому обществу, вступившему въ него, какъ мы только что видѣли, съ такимъ необычай-

нымъ подъемомъ надеждъ и энергіи? Сбылись ли, хотя бы теперь, мечты молодого энтузіаста, устами котораго высказалась вся молодая Россія сто лѣтъ тому назадъ? И что мы дѣлали въ теченіе этихъ ста лѣтъ для того, чтобы хотя отчасти приблизить подлинную дѣйствительность къ возвышенному полету этихъ мечтаній? Мы хотѣли бы помочь читателю разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ. Лучшимъ къ тому средствомъ, думается намъ, послужитъ связный обзоръ тѣхъ преобразовательныхъ плановъ и опытовъ, которые попеременно занимали русское правительство и общество въ теченіе пережитаго вѣка.

I.

Преобразовательные опыты въ царетвованіе Александра I.

Александръ I началъ свое царствованіе знаменитымъ обѣщаніемъ править «по законамъ и по сердцу бабки». Это счастливое выраженіе, включенное Трощинскимъ въ манифестъ о воцареніи Александра, произвело на общество магическое дѣйствіе. Всѣ объединились въ общемъ радостномъ ожиданіи того, что послѣ дней правленія Павла «воскреснетъ Екатерина изъ гроба, въ прекрасномъ юношѣ». Но что же означало въ сущности это обѣщаніе? Лишь только промелькнули первые дни безотчетной радости, тотчасъ оказалось, что слова манифеста, имѣвшія такой успѣхъ, понимались весьма не одинаково. Люди различныхъ партій вкладывали въ нихъ свой особый смыслъ. Старшее поколѣніе екатерининскихъ дѣятелей, люди, выросшіе въ преданіяхъ Екатерининской эпохи, поняли эти слова въ прямомъ и буквальномъ ихъ смыслѣ. Въ ихъ глазахъ Екатерина подняла Россію на высшую точку процвѣтанія и славы; дальше итти было уже некуда, и оставалось заботиться лишь объ одномъ—сохранить это величіе и на будущее время, сберечь въ полной неприкосновенности все то, что было освящено законами премудрой манархини. И вотъ они увидѣли въ словахъ манифеста обѣщаніе, что все пойдетъ постарому: громы побѣдъ на моряхъ и воен-

ныхъ поляхъ Европы, а у себя дома—пышная роскошь двора, безконечная вереница ослѣпительныхъ празднествъ, широкая и привольная жизнь на плечахъ у дарового крѣпостного труда, незыблемость дарованныхъ благородному дворянству вольностей и привилегій. Вотъ что разумѣли эти люди подъ именемъ Екатерининской Россіи, вотъ какъ понимали они задачу «править по законамъ и по сердцу бабки». Въ этомъ пониманіи заключалось отрицаніе всякихъ нововведеній и преобразованій, всякихъ порывовъ впередъ.

Могли ли подписаться подъ такой программой просвѣщенные представители тогдашней передовой Россіи и прежде всего—самъ молодой государь? Нѣтъ, для нихъ слова манифеста звучали призывомъ не назадъ, а впередъ. Въ блестящей картинѣ Екатерининской эпохи они различали не мало темныхъ пятенъ. Стереть эти пятна, согласовать *теорію* екатерининской политики, провозглашенную ею въ началѣ царствованія, съ дѣйствительною практикой управленія, водворить въ Россіи истинное царство законности и гражданскаго равноправія—таковъ былъ смыслъ, влагавшійся этими людьми въ обѣщанія, торжественно провозглашенныя съ высоты трона. Они видѣли передъ собой путь, исполненный обильной, плодотворной, хотя и не легкой работы. И они были правы. Исторія не останавливается на мѣстѣ и не возвращается назадъ. Каждая эпоха непремѣнно несетъ съ собой свои очередныя задачи, и лишь та общественная среда обнаруживаетъ настоящую жизнеспособность, которая стремится угадать и понять эти очередныя задачи. Уже въ самомъ началѣ XIX вѣка въ сознаніи добросовѣстныхъ и здравомыслящихъ патріотовъ вырисовывалась необходимость двухъ коренныхъ реформъ—реформы *соціальной* и реформы *политической*. Екатерина II, изложивъ въ такъ называемомъ Большомъ Наказѣ свою политическую исповѣдь, закончила это произведеніе слѣдующими словами: «Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше спра-

ведливъ и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!» Увы! Екатерина даже пережила это несчастіе!.. Въ самомъ дѣлѣ, было ли исполнено «намѣреніе ея законовъ»? Въ Наказѣ она писала о «равенствѣ всѣхъ гражданъ», которое «состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ» (Наказъ, глава V, ст. 34). А между тѣмъ, 45% всѣхъ ея подданныхъ—все крѣпостное крестьянство—были лишены охраны какого бы то ни было закона и отданы во власть безграничнаго господскаго произвола; и это обстоятельство, помимо нарушенія основныхъ требованій справедливости, отражалось губительнѣйшимъ образомъ и на государственномъ спокойствіи (вспомнимъ пугачевщину), и на матеріальномъ благосостояніи Россіи, и на положеніи общественной нравственности. Далѣе, въ томъ же Наказѣ Екатерина нарисовала идеалъ благоустроеннаго государства, въ которомъ все управленіе разсчитано на обезпеченіе свободы и безопасности гражданъ, въ которомъ «гражданинъ не боится другого гражданина, и всѣ боятся только однихъ законовъ», въ которомъ лица, облеченныя властью, «не обращаютъ въ собственную пользу своихъ чиновъ и званій».

Что же было сдѣлано для воплощенія этого идеала въ жизни? Былъ созданъ цѣлый рядъ новыхъ учрежденій для управленія губерніями и для дѣятельности этихъ учрежденій были написаны прекрасныя инструкціи. Но бумажныя предписанія и бумажный контроль не въ силахъ были выкурить изъ стѣнъ канцелярій крѣпостническаго духа-произвола. Въ губерніи властвовалъ намѣстникъ, въ центрѣ—вельможные фавориты. Что получалось въ результатѣ этой системы, объ этомъ мы можемъ узнать отъ такого безпристрастнаго и компетентнаго очевидца, какъ великій князь Александръ Павловичъ, будущій императоръ Александръ I. Вотъ что писалъ онъ однажды своему другу Кочубею въ послѣдніе годы царствованія своей бабки: «Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпоря-

докъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, и имперія стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ». Итакъ, уничтоженіе крѣпостного права и упорядоченіе управленія на началахъ законности—таковы были крупнѣйшія задачи будущаго, подсказываемыя уроками прошлаго. Старые екатерининскіе дѣльцы качали головами, разражались грозными предостереженіями и все же, несмотря на ихъ протесты, разработка отмѣченныхъ задачъ началась съ первыхъ же лѣтъ царствованія Александра I.

Старые екатерининскіе дѣльцы занимали всѣ видные правительственные посты и наполняли собою высшія государственныя учрежденія того времени—Сенатъ и только что образованный при самомъ воцареніи Александра—Государственный Совѣтъ.

Въ противовѣсъ вліянію этихъ сановныхъ стародумовъ около молодого государя, жаждавшаго приступить къ серьезнымъ преобразованіямъ, самъ собой образовался негласный, неоффиціальный комитетъ, составившійся изъ личныхъ друзей Александра. Обыкновенно, по окончаніи обѣда за Высочайшемъ столомъ, послѣ кофе, императоръ удалялся. Пока гости разъѣзжались, четыре человѣка особымъ ходомъ пробирались въ небольшую туалетную комнату, смежную съ внутренними покоями дворца. Вскорѣ туда же приходилъ государь, и здѣсь то, въ свободной дружеской бесѣдѣ, далекой отъ всякихъ условностей оффиціальнаго церемоніала, постепенно назрѣвали преобразовательные планы. Эти четыре интимныхъ собесѣдника государя были: Новосильцевъ, Строгановъ, Кочубей и Адамъ Чарторижскій. Все это были люди широко образованные охваченные вліяніемъ передовыхъ идей своего вѣка. Ихъ планы шли очень далеко. Они думали не о частичныхъ улучшеніяхъ и нововведеніяхъ, а о коренной общегосударственной реформѣ.

Этимъ планамъ не суждено было осуществиться, и практическіе результаты работъ неоффиціальнаго комитета ока-

зались болѣе, чѣмъ скромными. Многія причины повліяли на эту неудачу. Во-первыхъ, преобразовательныя попытки комитета встрѣчали противодѣйствіе со стороны сановной бюрократіи. Старые сенаторы смотрѣли на членовъ комитета, какъ на «якобинскую шайку», легкомысленно толкающую Россію въ бездну съ вершины достигнутой ею славы. Всякое отступленіе отъ завѣтовъ Екатерининской эпохи они считали предосудительнымъ и опаснымъ, и даже усилія самого государя не всегда оказывались достаточными для того, чтобы сломить противодѣйствіе этой охранительной партіи. Во-вторыхъ, внутренняя преобразовательная работа, требовавшая большой сосредоточности и настойчивости, рано начала встрѣчать себѣ помѣху въ осложненіяхъ внѣшней политики. Надъ Россіей собирались грозныя тучи военной борьбы съ Наполеономъ. Прошло всего какихъ-нибудь четыре года со времени воцаренія Александра, а Россія въ самый разгаръ преобразовательныхъ попытокъ во внутреннемъ управленіи была уже вынуждена открыто вступить въ первую коалицію европейскихъ державъ (Швеціи, Англіи, Австріи) противъ Наполеона, и русскія войска уже въ началѣ 1805 года появились на военныхъ поляхъ Баваріи и Пруссіи. Этой борьбѣ суждено было затѣмъ разростись до колоссальныхъ размѣровъ; и чѣмъ болѣе разросталась она, тѣмъ все далѣе и далѣе отодвигались на задній планъ очередныя задачи внутренней политики.

Но помимо всѣхъ этихъ внѣшнихъ причинъ неуспѣха первыхъ преобразовательныхъ начинаній были и другія условія, коренившіяся въ самомъ неоффиціальномъ комитетѣ, которыя тормазили дѣло реформы. Среди самихъ членовъ неоффиціальнаго комитета не было полнаго согласія, не было общаго яснаго взгляда на сущность необходимыхъ преобразованій. Не забудемъ, что то были лишь первые шаги на поприщѣ разработки назрѣвшихъ къ началу XIX столѣтія реформъ. Всѣ передовые люди того времени были согласны въ томъ, что жизнь неизбѣжно вы-

двигаетъ на очередь реформу крѣпостного права и реформу государственнаго управленія. Но затѣмъ подымался цѣлый рядъ вопросовъ, которые оставались еще неясными и спорными: двигать ли одновременно обѣ эти реформы, или выполнять ихъ поочередно; и въ послѣднемъ случаѣ, съ которой же изъ нихъ слѣдуетъ начать; наконецъ, какими именно путями и въ какихъ формахъ можно осуществить всѣ эти преобразованія? На подобные вопросы—а они имѣли первостепенную важность—у передовыхъ людей того времени не было общаго согласнаго отвѣта, и вотъ почему на всѣхъ преобразовательныхъ попыткахъ первой половины XIX вѣка лежитъ печать робкой нерѣшительности. Весьма нерѣдко эти нерѣшительныя колебанія объясняютъ прежде всего свойствами личнаго характера Александра. Нѣтъ спора, характеръ Александра не былъ созданъ для твердой борьбы съ водоворотами и бурями житейскаго моря, въ немъ не было крѣпкаго нравственнаго закала. Но, измѣряя степень личнаго вліянія Александра на судьбы раннихъ преобразовательныхъ начинаній его царствованія, не забудемъ также и общихъ условій тогдашняго историческаго момента. Благомыслящимъ сотрудникамъ Александра приходилось протаптывать лишь первыя тропинки къ политическому перерожденію Россіи среди дремучаго лѣса старыхъ предразсудковъ и своекорыстныхъ интересовъ сильныхъ людей. Мудрено ли, что ихъ поступь не всегда была достаточна тверда, и что они не всегда увѣренно намѣчали направленія своего пути?

Взглянемъ же, хотя бы мелькомъ, на пріемы и результаты ихъ преобразовательныхъ усилій.

Прежде всего комитетъ занялся обсужденіемъ реформы управленія. Замѣнить произволъ отдѣльныхъ лицъ строго законнымъ порядкомъ управленія—такова была главная цѣль реформы. Пока въ комитетѣ намѣчались и обсуждались начала реформы, 5 іюня 1801 года былъ изданъ Высочайшій указъ съ повелѣніемъ Сенату представить государю особый докладъ о своихъ правахъ и обязан-

ностяхъ для утвержденія ихъ силою закона на незыблемомъ основаніи. Это давало возможность партіи старыхъ сенаторовъ открыто изложить свою программу. Ихъ программа сводилась къ тому чтобы возстановить всеобъемлющее значеніе Сената, какимъ онъ пользовался при Петрѣ I, т. е. сосредоточить въ одномъ Сенатѣ и законодательство, и высшее управленіе, и судъ, сдѣлавъ при томъ Сенатъ органомъ сановной бюрократіи. Членовъ неоффиціальнаго комитета одушевляли совершенно другія намѣренія и планы. Они полагали, что для водворенія истиннаго порядка и твердой законности не слѣдуетъ ввѣрять одному и тому же учрежденію и разсмотрѣніе новыхъ законовъ, и руководство управленіемъ, и высшій надзоръ за дѣятельностью судовъ; они считали необходимымъ раздѣлить всѣ эти обязанности между различными учрежденіями. Такъ Сенату они предполагали предоставить только надзоръ за правосудіемъ въ имперіи: руководство текущимъ управленіемъ они считали нужнымъ распредѣлить между отдѣльными министрами, которые во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ должны были бы строго держаться существующихъ законовъ, подъ страхомъ личной отвѣтственности за нарушеніе послѣднихъ; наконецъ, для обсужденія, новыхъ законовъ они полагали создать особое учрежденіе, въ которомъ наряду съ правительственными чиновниками должны были принимать участіе и лица, избранныя изъ среды самого общества. Впрочемъ, члены комитета не предполагали произвести всѣ эти нововведенія однимъ разомъ. Съ одной стороны, они опасались противодѣйствія старовельможной партіи, съ другой стороны, они сами не вполнѣ уяснили себѣ во всѣхъ подробностяхъ предположенныя перемѣны. Единственнымъ практическимъ плодомъ этихъ плановъ явилось учрежденіе министерствъ. Такимъ образомъ, лишь одна *исполнительная* власть получила новое устройство. Правда, это былъ значительный успѣхъ въ смыслѣ упорядоченія управленія: петровскія коллегіи были уничтожены еще при Екатеринѣ II и съ тѣхъ поръ ни-

чѣмъ не были замѣнены. За отсутствіемъ опредѣленныхъ учрежденій центральное управленіе лишилось правильной системы, и его отдѣльныя отрасли случайно растасовывались по рукамъ вельможъ. Путаница, медлительность въ разрѣшеніи дѣлъ, слѣпая игра случая—неизбѣжно сопровождали такую неупорядоченность центральнаго управленія. Теперь, установленіе министерствъ создавало точно очерченныя русла для направленія дѣлопроизводства. Несомнѣнно, отъ этого выигрывала техника управленія. Но какъ еще далекъ былъ этотъ результатъ отъ того конечнаго идеала общегосударственной реформы, къ которому были направлены планы неоффиціальнаго комитета, взятые во всей ихъ совокупности! Учрежденіе министерствъ удовлетворяло ближайшимъ практическимъ нуждамъ управленія, но оно еще не вводило—само по себѣ—никакой принципіальной перемѣны въ государственномъ строѣ.

Еще больше колебаній и еще меньше практическихъ плодовъ породила разработка *крестьянскаго* вопроса въ неоффиціальномъ комитетѣ. Выдвигая реформу управленія, комитетъ обрекалъ себя на борьбу съ партіей политическихъ стародумовъ. Но лишь только зашла рѣчь о крестьянскомъ вопросѣ, какъ тотчасъ же вспыхнула междуусобица среди самихъ членовъ комитета. Императоръ Александръ, искренне желавшій сдѣлать что-нибудь для облегченія участи крѣпостного крестьянства, очутился между двухъ огней. Съ одной стороны, старикъ Державинъ твердилъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что «рабство есть обычай, который, утвердясь временемъ, сдѣлался столько священнымъ, что прикоснуться къ нему безъ вредныхъ послѣдствій великая потребна осторожность»; а съ другой стороны, другъ государя, членъ неоффиціальнаго комитета, либералъ-аристократъ на англійскій манеръ—Новосильцевъ не хотѣлъ слышать даже о такой осторожной мѣрѣ, какъ выкупъ въ казну дворовыхъ. «Это возбудитъ, восклицалъ онъ въ комитетѣ—преувеличенныя надежды въ крестьянахъ и поселитъ въ помѣщикахъ такое неудовольствіе,

которое можетъ грозить государственному порядку»! Правда, рѣчи Новосильцева не оставались въ комитетѣ безъ горячей отповѣди. Ему возражалъ Строгановъ, указавшій на то, что ропота дворянства боятся нечего: дворянство искони было служилымъ сословіемъ, оно привыкло исполнять всѣ распоряженія власти. Гораздо большая опасность —говорилъ Строгановъ—таится въ неудовольствіи крестьянской массы, которая все болѣе тяготится ярмомъ крѣпостной неволи. Эти вѣскія слова не производили большого впечатлѣнія на членовъ комитета, и они попрежнему твердили государю о томъ, что «не слѣдуетъ обижать дворянъ, составляющихъ тоже значительную массу».

При такихъ условіяхъ крестьянскому вопросу грозила опасность быть положеннымъ подъ сукно на долгое время. Неожиданный поступокъ гр. Румянцева вновь выдвинулъ этотъ вопросъ на первый планъ. Румянцевъ представилъ государю проектъ указа о дозволеніи помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями на основаніи условій, заключаемыхъ по обоюдному съ ними согласію и съ укрѣпленіемъ за каждымъ увольняемымъ участка земли по своему желанію. По волѣ государя этотъ проектъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Тамъ поднялся страшный шумъ. Поэтъ Державинъ, бывшій тогда генералъ-прокуроромъ, взялся лично передать государю о всѣхъ неудобствахъ и опасностяхъ задуманной мѣры. Послѣдовали горячія объясненія, послѣ которыхъ государь, уже не отдавая указа въ Совѣтъ, велѣлъ отослать его прямо въ Сенатъ для непремѣннаго исполненія. 20 февраля 1803 года указъ «о свободныхъ хлѣбопашцахъ»,—такъ должны были называться крестьяне, отпущенные на волю цѣлымъ селеніемъ и съ земельнымъ надѣломъ,—былъ обнародованъ. Имя Румянцева поносилось на всѣхъ перекресткахъ. Ростопчинъ писалъ про него: «Румянцевъ хотѣлъ помириться съ дворомъ и поссорился со всѣми русскими дворянами». Прислушиваясь къ этому возбужденію, можно было подумать, что новый за-

конъ внесъ цѣлый переворотъ въ положеніе крѣпостного крестьянства. Увы! вскорѣ всѣ замѣтили, что шумъ вышелъ по пустякамъ, и общество успокоилось. Дѣло въ томъ, что указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ не содержалъ въ себѣ никакого принудительнаго предписанія. Это были правила, которыми могли воспользоваться *желающіе*. За самыми ничтожными исключеніями, никто воспользоваться ими не пожелалъ, и «жизнь пошла чредой обычной».

Таковы были преобразовательныя попытки первыхъ лѣтъ царствованія Александра I. Ихъ размѣры были скромны, въ особенности сравнительно съ первоначальными планами. Итти дальше не хватало рѣшимости, а потомъ надвинулись внѣшнія опасности, потянулись войны, и тѣсное единеніе членовъ неоффиціальнаго комитета незамѣтно растаяло. Александръ вынесъ изъ этихъ первыхъ преобразовательныхъ попытокъ свои первыя разочарованія. Онъ чувствовалъ, что задуманное имъ дѣло плохо клеится, что кругомъ его нѣтъ ни дружнаго согласія, ни отчетливо опредѣленныхъ взглядовъ. Это было крайне опасно для дѣла реформы, такъ какъ Александръ не былъ одаренъ желѣзной настойчивостью Петра Великаго и, въ виду испытанныхъ неудачъ, могъ утратить самый вкусъ къ преобразовательной работѣ. Ему нуженъ былъ человѣкъ, способный облечь въ плоть и кровь смутные порывы его души къ свободѣ и благу отечества. Ему нуженъ былъ не столько сотрудникъ-исполнитель, сколько сотрудникъ-вождь, способный заражать другихъ своей рабочей энергіей. Такой человѣкъ явился. Онъ пришелъ съ самой глубины народной массы и принесъ съ собой оттуда неизсякаемый запасъ рабочей силы, съ которою соединился изумительно яркій талантъ къ тонкому, изящно-послѣдовательному мышленію. Сынъ сельскаго священника, потомъ профессоръ математики и философіи въ петербургской семинаріи, потомъ домашній секретарь генералъ-прокурора Куракина и, наконецъ, главнѣйшій совѣтникъ, правая рука императора—Михаилъ Михайловичъ Сперанскій былъ драгоцѣн-

ной находкой для Александра I. Разработка задуманныхъ Александромъ реформъ требовала громадныхъ трудовъ.—Сперанскій могъ работать чуть ли не 24 часа въ сутки; Александру не доставало отчетливаго уясненія волновавшихъ его вопросовъ.—Сперанскій былъ неподражаемый мастеръ сжимать въ стройныя прозрачно-ясныя опредѣленія самыя отвлеченныя и сложныя идеи.

Въ бесѣдахъ съ государемъ Сперанскій быстро охватилъ сущность занимавшихъ его идей,—и работа закипѣла. Въ октябрѣ 1809 года на столѣ императора уже лежалъ готовый планъ государственнаго преобразованія. Крестьянскій вопросъ не былъ непосредственно затронутъ этимъ планомъ. Съ тѣмъ большей подробностью была въ немъ разработана политическая реформа. Вотъ къ чему сводились основныя черты этого плана. Имперія дѣлится на губерніи, губерніи на округи, округи на волости. Во всѣхъ этихъ дѣленіяхъ устанавливаются три параллельные ряда учрежденій: каждые три года въ каждой волости изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности составляется собраніе—волостная дума, которая выбираетъ депутатовъ въ окружную думу. Окружная дума выбираетъ членовъ окружного совѣта (исполнительное учрежденіе при думѣ), членовъ окружного суда и депутатовъ въ губернскую думу. Губернская дума выбираетъ членовъ губернскаго совѣта и губернскаго суда и депутатовъ въ государственную думу. Въ центрѣ высшее управленіе также распредѣляется между учрежденіями троякаго рода: 1) государственная дума, составленная изъ депутатовъ отъ всѣхъ губерній, разсматриваетъ новые законы, которые восходятъ затѣмъ на утвержденіе державной власти; 2) министерства руководятъ текущимъ управленіемъ, при чемъ министры являются отвѣтственными передъ государственной думой за свои распоряженія, и 3) Сенатъ представляетъ высшую судебную инстанцію. Наконецъ, надъ всѣмъ этимъ устройствомъ поставленъ еще Государственный Совѣтъ, въ которомъ разсматриваются проекты законовъ, уставовъ и учрежденій.

Первоначально этотъ планъ, подкупавшій своею стройностью и послѣдовательностью, предполагалось сразу ввести въ дѣйствіе во всѣхъ его частяхъ; но государь предпочелъ затѣмъ осуществлять его постепенно, начавъ съ высшихъ учрежденій. 1 января 1810 г. былъ открытъ Государственный Совѣтъ въ преобразованномъ видѣ. Въ 1811 г. были преобразованы министерства, при чемъ, однако, предположенная въ планѣ Сперанскаго отвѣтственность министровъ не была проведена. А затѣмъ... а затѣмъ стряслась страшная катастрофа и въ личной судьбѣ Сперанскаго и въ исторической судьбѣ Россіи. Россія готовилась къ окончательной борьбѣ съ Наполеономъ. Когда въ воздухѣ пахнетъ пожаромъ, опасно произносить слово «поджигатель». И вотъ въ самый разгаръ національной озлобленности противъ всего французскаго, низкая клевета назвала Сперанскаго государственнымъ измѣнникомъ. Былъ пущенъ слухъ о томъ, что Сперанскій выдаетъ Наполеону государственныя тайны. Сперанскій всегда былъ окруженъ многочисленными врагами. Родовитая знать презирала въ немъ плебея, вельможи завидовали его служебному возвышенію, придворныя злобствовали на него за то, что по его мысли придворныя званія, не сопряженныя съ дѣйствительной службой, не давали болѣе чиновъ, а чиновники за то, что полученіе чина онъ поставилъ въ зависимость отъ сдачи экзамена при университетѣ, наконецъ, народъ ропталъ на возвышеніе налоговъ, приписывая Сперанскому, какъ главному совѣтнику государя, то, что слѣдовало приписать многочисленнымъ войнамъ и финансовому кризису. И передъ всѣми этими враждебными силами Сперанскій стоялъ одиноко, вооруженный только своими дарованіями, своей любовью къ труду, своей готовностью служить родинѣ. Борьба была неравная, и Сперанскій палъ ея жертвой. 17 марта 1812 г. Александръ два часа съ глазу на глазъ говорилъ съ Сперанскимъ. Послѣ этой аудіенціи Сперанскій былъ сосланъ въ Нижній-Новгородъ съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ передвинуться еще да-

лѣе, въ Пермь. Когда Сперанскій вышелъ изъ кабинета государя по окончаніи этой достопамятной аудіенціи и, въ полномъ душевномъ разстройствѣ, упалъ на столъ и безотчетно началъ засовывать въ портфель свою шляпу, къ удивленію придворныхъ, дверь царскаго кабинета отворилась, и Александръ въ слезахъ быстро подошелъ къ Сперанскому, пожалъ ему руку и произнесъ: «Еще разъ прощайте, Михаилъ Михайловичъ! » Въ такой формѣ не разстаются съ завѣдомымъ измѣнникомъ и предателемъ. И у насъ есть основанія думать, что Александръ не вѣрилъ въ виновность Сперанскаго. Мы знаемъ теперь, что говорилъ Александръ во время упомянутой аудіенціи; онъ самъ сообщилъ объ этомъ въ письмѣ къ Новосильцему, которое теперь обнародовано. Государь говорилъ: «Врагъ стучится въ двери имперіи. Во всякое другое время я употребилъ бы по крайней мѣрѣ два года на розыски и изслѣдованія, прежде чѣмъ примѣнить къ вамъ кару. Но при теперешнихъ обстоятельствахъ я не могу оставить въ силѣ знаки моего довѣрія къ вамъ».

Съ паденіемъ Сперанскаго, съ началомъ бурныхъ событій 12-го года, о продолженіи внутреннихъ преобразованій не могло быть и рѣчи.

Прогремѣла отечественная война. Она отбросила отъ себя громадную тѣнь на послѣдующія событія нашей внутренней исторіи.

До отечественной войны правительство шло впереди общества по пути преобразованій. Насколько мало широкіе слои общества сочувствовали преобразовательнымъ планамъ, это ярко выразилось во всеобщемъ ликованіи по поводу паденія Сперанскаго. Послѣ войны роли перемѣнились. Общество встрепенулось, а правящіе круги отдались духу реакціи. Отечественная война провела глубокую борозду въ общественномъ самосознаніи. Она была великимъ актомъ народной самодѣятельности, она была дѣломъ всего народа, и въ общественномъ настроеніи сильно зазвучала теперь струна самоуваженія. Въ то же время русская

военная молодежь, благодаря инстраннымъ походамъ, лицомъ къ лицу познакомилась съ государственными порядками западной Европы и начала размышлять надъ различіемъ иноземныхъ и своихъ домашнихъ отношеній. Русское общество вышло изъ пережитаго военнаго испытанія упоенное славою, окрыленное надеждами, съ увѣренностью въ своихъ силахъ, съ жаждой внутреннихъ преобразованій. Всѣ ждали заявленій правительства насчетъ дальнѣйшаго направленія политики. Въ 1815 г. вышелъ манифестъ. Онъ прозвучалъ рѣзкимъ диссонансомъ съ настроеніемъ общества. Онъ говорилъ не о подвигахъ, а о *смиреніи*, онъ взывалъ не къ героическимъ, а къ покаяннымъ чувствамъ. Содержаніе манифеста явилось отзвукомъ личнаго настроенія государя. Александръ выросъ политическимъ мечтателемъ. Онъ, несомнѣнно, имѣлъ благое желаніе осчастливить своихъ подданныхъ, но онъ могъ взяться за эту задачу лишь при одномъ условіи, чтобы она была осуществлена быстро, безъ предварительной черной работы и безъ борьбы съ затрудненіями. Горькое чувство отъ первыхъ же неудачъ въ такой борьбѣ разрѣшалось у него въ разочарованіе въ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ хотѣлъ осчастливить. А это разочарованіе, укрѣпляясь и разростаясь, поселило въ его душѣ апатію и скуку и заволокло угрюмымъ туманомъ розовыя надежды молодости. Какъ разъ въ описываемый моментъ этотъ переломъ въ душѣ Александръ и достигъ своей высшей точки. Тогда ему понадобился человѣкъ, который бы могъ явиться для него преданнымъ и вѣрнымъ сторожемъ, обороняющимъ его отъ докучныхъ людей, отъ досадныхъ житейскихъ впечатлѣній и заботъ, нарушающихъ покой мистическаго самоуглубленія. Нужный человѣкъ давно уже былъ на примѣтѣ: сближеніе Александра съ Аракчеевымъ относится еще ко времени царствованія Павла. Описывать характеръ аракчеевскаго правленія нѣтъ надобности: онъ достаточно извѣстенъ. Напомню только, что въ это время Россія покрылась сѣтью «военныхъ поселеній», появленіе которыхъ заставляло крестьянъ писать

государю прошенія «спасти крещеный народъ отъ Аракчеева», а одинъ изъ русскихъ университетовъ по поводу вздорнаго и нелѣпаго доноса чуть было не былъ наказанъ «публичнымъ стѣнъ онаго разрушеніемъ».

Рѣзкое несоотвѣтствіе между направленіемъ аракчеевской политики и господствующимъ въ обществѣ настроеніемъ привело къ тому, что политическіе интересы приняли ненормальное направленіе. Вопросы о реформахъ управленія и крѣпостныхъ отношеній снова были поставлены на обсужденіе, но уже не въ оффиціальныхъ сферахъ, а въ тайныхъ обществахъ. Впрочемъ, «тайна» этихъ обществъ была довольно неглубока. Александръ былъ хорошо освѣдомленъ о ихъ существованіи, но онъ продолжалъ стоять въ нерѣшительности на распутьи между воспоминаніями молодости и разочарованіями зрѣлыхъ лѣтъ...

II.

Секретные комитеты въ царетвованіе Николая I-го.

Перемѣна царствованія и тѣ обстоятельства, при которыхъ совершилось воцареніе новаго императора (попытка государственнаго переворота 14 декабря 1825 г.), глубоко повліяли на дальнѣйшій ходъ нашей внутренней политики. Нерѣшительныя колебанія между двумя намѣченными реформами—политической и соціальной—были теперь оставлены. Политическая реформа окончательно была снята съ очереди, и правительство рѣшило (съ тѣмъ большей энергіей) сосредоточить всѣ свои силы на подготовкѣ отмѣны крѣпостного права. Вмѣстѣ съ тѣмъ твердо былъ установленъ тотъ путь, которымъ предстояло вести эти подготовительныя преобразовательныя работы: онѣ должны были двигаться въ тиши канцелярій и особыхъ секретныхъ комитетовъ, недоступныя гласному обсужденію въ обществѣ и въ печати. И вотъ болѣе двадцати лѣтъ подъ рядъ (1826—1848 гг.) цѣлая вереница смѣняющихъ другъ друга «секретныхъ комитетовъ» работаетъ надъ крестьянскимъ вопросомъ.

Двадцать лѣтъ работы надъ однимъ и тѣмъ же вопросомъ! Чѣмъ объяснить такую медлительность? Быть можетъ, труды комитетовъ тормазились упорной партійной борьбой, осложнявшей дѣло преобразованія? Но для развитія партійной борьбы не было подходящей арены: составъ комитетовъ былъ довольно однороденъ, а для всѣхъ, не входившихъ въ этотъ составъ, предположенія комитетовъ оставались окутанными глубокой тайной. Не объяснялась ли медленность этихъ работъ широкимъ размахомъ преобразовательныхъ плановъ, которыми задавались комитеты, и съ которыми трудно было бы сладить въ болѣе короткое время? Нѣтъ, и это предположеніе не можетъ выдержать критики. Члены комитетовъ отличались всѣмъ, чѣмъ угодно, только не смѣлымъ размахомъ политическаго мышленія. При томъ же практическіе результаты ихъ двадцатилѣтней работы оказались на повѣрку болѣе чѣмъ скромными. Когда при императорѣ Александрѣ II были учреждены для выработки реформы губернскіе комитеты и затѣмъ редакціонные комиссіи, они проработали всего около 4-хъ лѣтъ, и въ результатѣ Россія получила Положеніе 19 февраля 1861 года, составившее эпоху въ исторіи нашей родины. Двадцатилѣтняя работа секретныхъ комитетовъ въ царствованіе императора Николая I не породила *ни одного закона*, осязательно отразившагося на жизненныхъ условіяхъ крѣпостной деревни. Итакъ, что же тормазило и обезсиливало благія намѣренія николаевскаго правительства развязать узелъ крестьянской неволи? Прежде чѣмъ отвѣтить не этотъ вопросъ, я напомню вкратцѣ, что именно дѣлалось въ интересующихъ насъ секретныхъ комитетахъ.

Черезъ годъ послѣ своего воцаренія, 6 декабря 1826 г., императоръ Николай Павловичъ учредилъ первый секретный комитетъ для разсмотрѣнія многочисленныхъ преобразовательныхъ проектовъ, представленныхъ правительству въ царствованіе императора Александра I.

По одному частному случаю императоръ Николай

Павловичъ повелѣлъ этому же комитету составить проектъ закона о непродажѣ крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли.

Члены комитета тотчасъ же встревожились: въ ихъ воображеніи встала картина всеобщаго ропота со стороны помѣщиковъ. И вотъ, изъ среды комитета вышла слѣдующая мысль, удостоенная Высочайшаго одобренія: изданіе какой-либо облегчительной для крѣпостныхъ крестьянъ мѣры особнякомъ, въ видѣ самостоятельнаго закона, было бы слишкомъ рѣзкимъ шагомъ, который чрезмѣрно взволнуетъ помѣщиковъ; поэтому такую мѣру гораздо лучше включить, какъ одинъ изъ параграфовъ, въ общій законъ о состояніяхъ, гдѣ можно будетъ помѣстить постановленія, благопріятныя и для другихъ сословій. Эта мысль была принята, и комитетъ выработалъ общій «законъ о состояніяхъ». Въ немъ были помѣщены различныя постановленія о порядкѣ пріобрѣтенія потомственнаго и личнаго дворянства и почетнаго гражданства, и, между прочимъ, въ одномъ пунктѣ было включено и запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли. На выработку этого «закона о состояніяхъ» ушло три года. Въ 1830 г. законъ былъ готовъ, проведенъ черезъ Государствен. Совѣтъ и даже подписанъ государемъ. Но прежде его обнародованія Николай Павловичъ пожелалъ послать его въ Варшаву на просмотръ своего брата, цесаревича Константина Павловича.

Какъ разъ въ это время во Франціи, а затѣмъ и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ вспыхнуло революціонное броженіе, и цесаревичъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ этихъ событій, рѣшительно высказался противъ какихъ бы то ни было преобразовательныхъ попытокъ. Онъ убѣждалъ не колебать стараго государственнаго зданія, доказавшаго свою крѣпость въ теченіе вѣковъ въ то время, какъ кругомъ такъ легко рушатся троны и смѣняются династіи.

Комитетъ былъ распущенъ, и выработанные имъ проекты были сданы въ архивъ. Но дѣятельность комитета все же не прошла безслѣдно; напротивъ, въ области кресть-

янскаго вопроса этотъ комитетъ задалъ основной тонъ, котораго послушно держались затѣмъ совѣтники императора Николая Павловича во все послѣдующее время его царствованія. То былъ тонъ скрытаго, но упорнаго противодѣйствія рѣшительной реформѣ крѣпостного быта. Всѣ сознавали, что реформа уже стучится въ двери русской жизни, но никто не отваживался на то, чтобы разъ навсегда настежъ распахнуть эти двери; всѣхъ пугалъ призракъ какого-то неминуемаго общегосударственнаго потрясенія, и вотъ робкая мысль тогдашнихъ политиковъ цѣплялась за полумѣры, за видимыя уступки неизбѣжной необходимости, при которыхъ однако все могло бы остаться въ сущности по старому. Отдалить назрѣвшую реформу въ неопредѣленное будущее—вотъ къ чему сводилась завѣтная мечта государственныхъ дѣятелей второй четверти XIX ст. Эту мечту съ обычной ясностью и изящной отточенностью мысли изложилъ въ комитетѣ 1826 г. графъ Сперанскій. Когда-то его искусное перо воплотило въ стройную систему вольнолюбивыя мечты молодыхъ сотрудниковъ императора Александра I. Теперь, испытавъ превратность судьбы и снова вернувшись изъ далекой ссылки на вершину государственной пирамиды, Сперанскій опять прилежно работалъ перомъ съ той-же легкостью и быстротой, съ какой опытный виртуозъ-фехтовальщикъ работаетъ своей шпагой. И снова ему пришлось сдѣлаться редакторомъ несбыточныхъ надеждъ; только прежде онъ редактировалъ мечтанія о реформахъ, которыя не пришлось осуществить, теперь онъ редактировалъ мечты о возможной отсрочкѣ реформы, которую уже нельзя было предотвратить.

Записка Сперанскаго, поданная имъ въ комитетъ 1826 г., вкратцѣ заключалась въ слѣдующемъ. Реформа крѣпостного права должна состоять изъ трехъ періодовъ, которые должны слѣдовать другъ за другомъ въ строгой постепенности: 1) Прежде всего нужно вернуть крѣпостное право въ его первоначальныя законныя границы. Въ древности крѣпостное право состояло въ прикрѣпленіи къ землѣ,

съ которой крестьянинъ не могъ уйти, а помѣщикъ не могъ свести крестьянина. Впослѣдствіи рядомъ злоупотребленій укоренился взглядъ на крѣпостного крестьянина, какъ на движимую собственность помѣщика, и помѣщики начали отрывать крестьянъ отъ земли, продавая ихъ оптомъ и въ розницу закладывая и вообще отчуждая разными способами. Итакъ, прежде всего нужно запретить отчужденіе крестьянъ безъ земли. 2) Затѣмъ нужно всячески поощрять добровольныя освобожденія крестьянъ помѣщиками, уничтоживъ всякія стѣснительныя для этого ограниченія, и наконецъ, 3) нужно установить, чтобы повинности и работы не взыскивались съ крестьянъ по произволу помѣщиковъ, а опредѣлялись бы разъ навсегда по обоюдному между ними договору. Это крайняя точка, до которой Сперанскій считалъ возможнымъ вообще довести реформу. Онъ полагалъ, что ея удастся достичь лишь въ отдаленномъ будущемъ, въ ожиданіи чего онъ предлагалъ заняться преобразованіемъ быта не помѣщичьихъ, а *казенныхъ* крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи ихъ преобразованное положеніе послужило образцомъ и для желательныхъ измѣненій въ быту крестьянъ помѣщичьихъ. Обѣ основныя мысли этой записки Сперанскаго—1) отсрочка реформы крѣпостного права на неопредѣленное время и 2) подмѣна вопроса о помѣщичьихъ крестьянахъ вопросомъ о крестьянахъ казенныхъ—имѣли большой успѣхъ. Второй мыслью воспользовался гр. Киселевъ, одинъ изъ энергичнѣйшихъ сотрудниковъ императора Николая I. Онъ создалъ особое министерство государственныхъ имуществъ (1838 г.), задачей котораго поставилъ *попечительство* надъ государственными крестьянами: упорядоченіе ихъ земельнаго обезпеченія, равномѣрное распредѣленіе падавшей на нихъ оброчной подати, поднятіе хозяйственнаго благосостоянія, распространеніе грамотности и т. п.

Что же касается первой мысли записки Сперанскаго, то ея послѣдовательно придерживались всѣ остальные секретные комитеты, работавшіе при Николаѣ I.

Черезъ пять лѣтъ послѣ закрытія перваго секретнаго комитета, въ 1835 году былъ учрежденъ второй. Онъ просуществовалъ недолго и ни на шагъ не подвинулъ впередъ крестьянскаго дѣла. Въ немъ преобладала мысль, что въ далекомъ будущемъ можно допустить лишь *безземельное* освобожденіе крестьянъ; но и къ этой цѣли надо итти «нечувствительными» мѣрами, постепенно вводя нѣкоторыя измѣненія, «которыя отнюдь не имѣли бы вида какой-либо перемѣны». Вотъ планъ, характерный для этой эпохи: допускаются нововведенія, но лишь такія, при которыхъ все оставалось бы по старому! Въ 1839 году возникъ третій секретный комитетъ. Въ основаніе работъ этого комитета былъ положенъ пересмотръ указа 1803 года о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Какъ извѣстно, названный указъ, сохраняя за помѣщикомъ право отпускать на волю *отдѣльныхъ крестьянъ* какъ съ землею, такъ и безъ земли, освобожденіе *цѣлыхъ селеній* дозволялъ не иначе, какъ съ землей. Это-то послѣднее ограниченіе и не нравилось многимъ помѣщикамъ, и князь Меньшиковъ началъ горячо ратовать въ комитетѣ за его отмѣну, выставляя идеалъ *безземельнаго* освобожденія крестьянъ. Тогда въ противовѣсъ Меньшикову выступилъ Киселевъ со своимъ проектомъ объ «обязанныхъ крестьянахъ». Киселевъ одинаково не сочувствовалъ ни безземельному освобожденію крестьянъ, ни отобранію земли у помѣщика въ пользу крестьянина. Онъ предлагалъ средній путь. Пусть крестьяне получатъ личную свободу, а за помѣщикомъ останется вся его прежняя земля. Но изъ этой земли помѣщикъ обязательно долженъ будетъ выдѣлить освобожденному крестьянину извѣстный надѣлъ. И этотъ надѣлъ останется собственностью помѣщика, но только безъ права согнать съ него крестьянъ, при чемъ и крестьяне не будутъ имѣть права сойти съ надѣла. За пользованіе надѣломъ свободные крестьяне должны будутъ отбывать собственнику земли разъ навсегда опредѣленную барщину или оброкъ. Проектъ Киселева прошелъ въ комитетѣ лишь послѣ горячей борьбы, при чемъ противники проекта про-

рочили самыя страшныя отъ него послѣдствія, чуть ли не разрушеніе всего государственнаго строя. Проектъ поступилъ затѣмъ въ Государственный Совѣтъ. Засѣданіе Совѣта было обставлено чрезвычайно торжественно. Государь лично открылъ засѣданіе, придавая особенное значеніе предстоящему акту. Онъ произнесъ длинную рѣчь. Тонъ этой рѣчи былъ таковъ, какъ будто государственному организму Россіи предстояло пережить серьезное испытаніе. Въ рѣчи было подчеркнуто, что въ намѣренія правительства не входитъ колебать крѣпостное право, «которое есть зло, но прикасаться къ которому было бы зломъ, еще болѣе гибельнымъ», не менѣе сильно было подчеркнуто и то, что новый законъ есть лишь развитіе стараго закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и что онъ не содержитъ ничего принудительнаго для помѣщика, «предоставляя все единственно его доброй волѣ и влеченію сердца».

Когда затѣмъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ изданъ, его изданіе сопроводили циркуляромъ, въ которомъ строго запрещалось «подразумѣвать» въ текстѣ новаго закона что-либо большее того, что выражено «въ самыхъ словахъ» его. Наконецъ, указъ появился въ свѣтъ (1842 г.), и вскорѣ оказалось, что съ нимъ повторилась исторія указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Страхи, ожиданія, предосторожности—все это оказалось излишнимъ. Новый законъ просто-напросто не получилъ почти никакого практическаго приложенія. Онъ ничего не приказывалъ, онъ, только *дозволялъ* помѣщикамъ освобождать крестьянъ на извѣстныхъ условіяхъ; тѣ, кому эти условія не нравились, могли вовсе не приступать къ освобожденію. Помѣщики отвели душу въ злобныхъ поношеніяхъ по адресу Киселева, потревожившаго было ихъ мирный обывательскій сонъ, и затѣмъ спокойно поставили крестъ надъ этой затѣей. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ высшей точкой, до которой доходило законодательное развитіе крестьянскаго вопроса при Николаѣ I.

Въ 40-хъ годахъ было издано еще нѣсколько указовъ,

которые затрогивали лишь отдѣльныя частности крестьянскаго вопроса и при томъ почти не примѣнялись на практикѣ: въ 1841 году—запрещеніе продажи крестьянъ въ розницу, въ 1843 г.—запрещеніе покупки крестьянъ безземельными дворянами, въ 1847 г.—предоставленіе крестьянамъ права выкупаться на волю съ землей при продажѣ имѣнія за долги помѣщика; 1848 г.—предоставленіе всѣмъ крестьянамъ вообще права пріобрѣтать недвижимую собственность. Въ 1848 году западная Европа снова была охвачена революціоннымъ движеніемъ, и снова это обстоятельство косвенно отразилось на нашей внутренней политикѣ. Начиная съ 1848 г., совершенно прекращаются преобразовательныя попытки николаевскаго правительства. Потребовалось тяжелое испытаніе Севастопольскаго погрома, чтобы вновь была поднята оборвавшаяся нить преобразовательной работы. Но эта работа возобновилась уже при другой обстановкѣ, при новыхъ условіяхъ и при новыхъ людяхъ. Уроки прошлаго не прошли безслѣдно. Причина неудачи секретныхъ комитетовъ николаевскаго царствованія заключалась именно въ ихъ *секретности*. Загородившись отъ общества глухой канцелярской стѣной и утративъ чутье дѣйствительности, эти комитеты преувеличивали опасность назрѣвшей реформы. Они страшились ропота помѣстнаго дворянства и упускали изъ виду, что въ средѣ самого этого дворярства могло найтись значительное меньшинство просвѣщенныхъ и разсудительныхъ людей, готовыхъ отказаться отъ крѣпостного права какъ по нравственнымъ, такъ и по матеріальнымъ соображеніямъ. Но эти люди могли оказать правительству должное содѣйствіе только при одномъ условіи—при свободѣ гласнаго обсужденія задуманныхъ преобразованій. Подготовку реформы необходимо было вынести изъ нѣдръ канцелярій на болѣе широкое поприще, и вся совокупность жизненныхъ условій неминуемо должна была привести въ концѣ концовъ именно къ такому исходу.

III.

Крѣпостная Россія первой половины XIX вѣка.

Необходимость отмѣны крѣпостного права повелительно подсказывались тогда всѣмъ жизненнымъ строемъ Россіи. Россія второй четверти XIX ст. уже выросла изъ стараго крѣпостного порядка, какъ ребенокъ выростаетъ съ годами изъ дѣтскаго платья. И крѣпостной порядокъ, не будучи въ силахъ остановить самъ по себѣ этого роста, тѣмъ не менѣе связывалъ свободныя движенія государственнаго организма, уродовалъ и искажалъ естественное развитіе народныхъ силъ. Потому-то онъ и былъ обреченъ на уничтоженіе. Бросая взглядъ на различныя стороны внутренняго быта Россіи первой половины XIX столѣтія, мы повсюду замѣчаемъ слѣды глубокихъ переломовъ въ народной жизни. На старой корѣ зеленѣются побѣги новой листвы. Но это—чахлая, худосочная зелень: какой-то ядъ, скрытый въ сердцевинѣ дерева, отравляетъ и обезображиваетъ юные отпрыски. Такою представляется намъ крѣпостная Россія XIX вѣка.

Количественно крѣпостная масса медленно, но постепенно сокращалась въ теченіе XIX ст. Тому способствовали различныя обстоятельства: высокій % смертности въ крѣпостной средѣ, выходъ изъ крѣпостного состоянія посредствомъ отбытія рекрутчины, выкупы на волю крѣпостныхъ крестьянъ казною (съ учрежденіемъ въ 1837 г. министерства государственнхъ имуществъ положено было ежегодно выкупать въ казну извѣстное количество помѣщичьихъ имѣній), наконецъ, добровольные отпуски на волю крестьянъ помѣщиками на различныхъ условіяхъ, выгодныхъ для землевладѣльцевъ. При всемъ этомъ уменьшеніе крѣпостной массы оказалось въ общемъ чрезвычайно незначительнымъ: за 23 года отъ VIII-й до X-й ревизіи (1836—1859 гг.) крѣпостное населеніе уменьшилось всего на 1,1%. Но за то фактическое положеніе крѣпостного крестьянина

за указанное время не только не улучшалось, а, наоборотъ, становилось съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе и болѣе отяготительнымъ.

Крѣпостная вотчина превращалась въ рабовладѣльческую плантацію. Миновала пора, когда каждое крѣпостное хозяйство представляло собою въ экономическомъ отношеніи замкнутый мірокъ, когда барщинныя работы и крѣпостные оброки обращались исключительно на покрытіе личныхъ нуждъ семьи и хозяйства помѣщика. Помѣщичьи хозяйства все болѣе и болѣе захватывались вліяніемъ развивающихся въ странѣ денежныхъ, мѣновыхъ оборотовъ. Помѣщики начали работать на рыночный сбытъ, начали стремиться къ тому, чтобы извлекать изъ своихъ имѣній возможно большее количество *дохода*. Крѣпостной крестьянинъ ничего не выигрывалъ отъ такой перемѣны; напротивъ, теперь ему приходилось напрягать свои рабочія и платежныя силы до крайней степени. Въ оброчной полосѣ мы видимъ постоянное возвышеніе крестьянскихъ оброковъ: въ теченіе первой половины XIX ст. размѣры этихъ оброковъ идутъ вверхъ быстрыми скачками; въ барщинной полосѣ помѣщики сокращаютъ крестьянскіе земельные надѣлы, расширяютъ собственныя запашки и за меньшее количество земельнаго вознагражденія требуютъ отъ крестьянина все болѣе и болѣе тяжкой работы. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ во многихъ мѣстностяхъ прежніе барщинные крестьяне превращаются въ настоящихъ безземельныхъ батраковъ. Это такъ называемые *мѣсячники*. Лишенные земельнаго надѣла, не имѣющіе своего хозяйства, они получали отъ помѣщика «мѣсячину», т. е. опредѣленное содержаніе, жили въ нарочно устроенныхъ для этой цѣли флигеляхъ или казармахъ, по нѣсколько семействъ въ одной избѣ, и круглый годъ цѣлою семьею работали на помѣщика подъ строгимъ надзоромъ полновластно распоряжавшагося ими надсмотрщика.

Отрываемое отъ земли, опутанное по рукамъ и ногамъ хозяйственнымъ гнетомъ помѣщика, забитое въ стойло каторжнаго режима, напоминавшаго аракчеевскія

военныя поселенія, крѣпостное крестьянство 40-хъ—50-хъ годовъ приходило все въ болѣе ожесточенное, нервно-возбужденное настроеніе. Къ половинѣ XIX ст. жестокій произволъ, нелѣпое самодурство помѣщиковъ замѣтно сглаживались и убывали въ связи съ общимъ смягченіемъ общественныхъ нравовъ. Но взамѣнъ отходившаго понемногу въ область преданій личнаго произвола усиливалось и росло постоянное, систематическое давленіе на крѣпостную массу, порождаемое всѣмъ складомъ хозяйственныхъ отношеній. И параллельно этому крѣпнулъ и разростался ропотъ крѣпостного крестьянства. «Народъ портится», въ одинъ голосъ твердили помѣщики 50-хъ годовъ. Это означало, что чаша его безпрекословной покорности была переполнена. Статистика крестьянскихъ волненій быстро обогащалась новыми и новыми фактами.

Приносило ли развитіе крѣпостного права матеріальныя выгоды всему государству и самимъ помѣщикамъ? На это краснорѣчиво отвѣчаетъ намъ положеніе помѣщичьяго хозяйства, состояніе торговопромышленныхъ оборотовъ и, наконецъ, затрудненія государственнаго казначейства дореформенной Россіи XIX ст.

Если успѣхи рыночныхъ оборотовъ отягчали положеніе крѣпостного крестьянина, видоизмѣняя прежнія формы крѣпостного права въ еще болѣе худшіе виды неволи, то и наоборотъ: отсутствіе въ странѣ свободнаго труда подрѣзывало крылья дальнѣйшему развитію національныхъ производительныхъ силъ. Взгляните на положеніе помѣщичьихъ хозяйствъ наканунѣ реформы: громадная масса помѣщичьихъ имѣній уже тогда была заложена и перезаложена, при чемъ наиболѣе крупныя и богатыя имѣнія оказывались несостоятельными въ уплатѣ ссудъ и процентовъ по нимъ. Куда же уходили всѣ эти ссуды? За самыми ничтожными исключеніями, онѣ расходовались не на поднятіе хозяйственныхъ рессурсовъ имѣнія, не на усовершенствованіе первобытныхъ системъ хозяйства, а на пустыя прихоти распущеннаго барства. Цѣнность имѣній опредѣлялась ко-

личествомъ поселенныхъ на нихъ крѣпостныхъ крестьянъ, и заботы о поднятіи производительности почвы, объ улучшеніи хозяйственныхъ пріемовъ отступали на задній планъ передъ заботами о наибольшемъ напряженіи подневольнаго труда крѣпостныхъ работниковъ. И вотъ, крестьяне пахали, сѣяли и жали совершенно такъ же, какъ они это дѣлали сто лѣтъ тому назадъ, замѣняя качество труда его количествомъ; а просвѣщенный помѣщикъ на предложеніе пріобрѣсти усовершенствованную земледѣльческую машину имѣлъ наготовѣ отвѣтъ: «Я вполнѣ признаю всѣ преимущества этой машины, но что же останется при ней дѣлать моимъ бабамъ?» Это подлинныя слова подлинныхъ помѣщиковъ дореформенной Россіи, записанныя въ свое время вдумчивымъ наблюдателемъ русской деревни. Итакъ, отъ напряженности крѣпостного труда не выигрывали успѣхи русскаго земледѣлія. Мало выигрывалъ въ концѣ концовъ и самъ помѣщикъ. Жизнь сдѣлала его поставщикомъ хлѣба на внутренній и внѣшній рынокъ. И вотъ, ему приходилось испытывать на собственномъ карманѣ всѣ изъяны тогдашней хлѣботорговли, вытекавшіе изъ первобытныхъ условій хозяйственнаго быта страны.

Изъ свободнаго хлѣбнаго запаса Россіи, остававшагося отъ внутренняго потребленія,—около 30 милл. четвертей,—за границу вывозилось не болѣе $^1/_6$ части; остальные $^5/_6$ некуда было дѣвать, онѣ оказывались чистымъ перепроизводствомъ! Почему? Потому что у Россіи не было желѣзныхъ дорогъ, и стоимость провоза русскаго хлѣба къ портамъ настолько возвышала его цѣну, что русскимъ хлѣботорговцамъ нечего было и мечтать о соперничествѣ на иностранныхъ рынкахъ съ американскимъ хлѣбомъ или сырыми продуктами изъ англійскихъ колоній. То же отсутствіе благоустроенныхъ путей сообщенія отзывалось тяжелымъ ущербомъ и на оборотахъ внутренней торговли. Въ хлѣбныхъ цѣнахъ не было никакой устойчивости. Онѣ измѣнялись по годамъ самыми прихотливыми зигзагами, то опадая, то вздуваясь съ полной неожиданностью. Измѣняясь

по годамъ, эти цѣны, быть можетъ, еще болѣе рѣзко измѣнялись по районамъ. Хлѣбный рынокъ находился въ состояніи полной анархіи. Но почему же Россія того времени не могла обзавестись желѣзнодорожной сѣтью? По той же самой причинѣ, по которой ни одно промышленное предпріятіе не могло тогда крѣпко стать на свои ноги, не находя ни оборотныхъ средствъ, ни кредита, въ то время какъ мертвые капиталы неподвижно лежали въ банкахъ, обростая, какъ мохомъ, процентами на проценты, безъ всякаго промышленнаго употребленія, а русскія фабрики, за самыми немногими исключеніями, держались только правительственными субсидіями и покровительственными тарифами. Только раскрѣпощеніе труда могло вдохнуть жизнь въ вяло прозябавшую русскую промышленность и торговлю.

Слѣдуетъ ли удивляться тому, что при такомъ экономическомъ застоѣ положеніе государственныхъ финансовъ представляло самую печальную картину. Государственныя потребности быстро разростались, а источники ихъ удовлетворенія быстро изсякали. Черезъ всю первую половину XIX столѣтія красной нитью проходитъ одна господствующая черта въ положеніи нашихъ финансовъ: непрерывное наростаніе дефицита. Въ 1825 г. дефицитъ равнялся 4 милліонамъ рублей, въ 1855 г. 262 милліонамъ рублей. За всѣ первыя 50 лѣтъ XIX вѣка мы встрѣчаемъ только 15 благополучныхъ годовъ, когда доходы превысили расходы; все это ранніе годы этого періода. Остальныя 40 лѣтъ — всѣ дефицитныя, при чемъ съ 1832 года идетъ уже сплошной дефицитъ, и графа избытковъ на долгое время совсѣмъ исчезаетъ изъ нашихъ бюджетныхъ росписей. Какъ же изворачивалось государственное казначейство? Отвѣтъ на это даютъ намъ цифры *государственнаго долга* за тѣ же полвѣка. Общая сумма всѣхъ процентныхъ долговъ Россіи, внѣшнихъ и внутреннихъ, равнялась въ 1817 г.—94 милл. руб. сер., 1852 г.—402 милл. руб. сер. Затѣмъ къ этому надо прибавить еще безпроцентный внутренній долгъ, заключавшійся въ формѣ выпуска ассигнацій. Въ 1817 году

ассигнацій обращалось всего на 836 милл. руб., и, только начиная съ 1823 г., количество ассигнацій въ обращеніи было твердо установлено на цифрѣ 595.776.310 рублей.

Приведенные въ этой главѣ факты достаточно убѣждаютъ въ томъ, какъ многообъемлюще было тлетворное вліяніе крѣпостного права на жизнь дореформенной Россіи. Крѣпостное право грозило государственному спокойствію, тормазило успѣхи земледѣлія, погружало въ летаргію промышленную предпріимчивость, изсушало источники государственнаго дохода. И если мы прибавимъ ко всему сказанному, что то же крѣпостное право возмущало нравственное чувство всѣхъ истинно просвѣщенныхъ сыновъ родины, то намъ станетъ совершенно ясно, почему вопросъ о крестьянской реформѣ уже не могъ быть снятъ съ очереди вплоть до своего окончательнаго разрѣшенія. Секретные комитеты николаевскаго царствованія не сумѣли справиться съ задачей этой реформы. Но отказаться отъ ея разрѣшенія было невозможно. Оставалось одно—испробовать новый путь.

IV.

Реформы 60-хъ годовъ.

Предшествующая глава, въ который мы обозрѣли главнѣйшія особенности дореформенной Россіи, привела насъ къ тому заключенію, что къ половинѣ XIX в. развитіе русской жизни достигло критическаго момента. Неизбѣжность коренной реформы становилась все болѣе очевидной; не менѣе очевидной становилась также и необходимость приступить къ реформѣ при помощи самого общества, при содѣйствіи всѣхъ его живыхъ и дѣятельныхъ силъ. Плодъ назрѣлъ; одинъ порывъ вѣтра,—и онъ сорвется съ вѣтки... Такимъ рѣшающимъ дуновеніемъ оказалась Крымская кампанія, разыгравшаяся на рубежѣ двухъ царствованій и закончившаяся, несмотря на беззавѣтный героизмъ русскихъ войскъ, погромомъ Севастополя. Эта тяжелая неудача без-

пощадно обнажила картину полнаго разложенія дореформеннаго строя Россіи. Для людей, привыкшихъ серьезно и добросовѣстно мыслить, обобщая отдѣльныя явленія, давно уже не было тайной, что крѣпостническій складъ государства грозитъ катастрофой всѣмъ сторонамъ государственнаго и общественнаго быта. Севастопольскій погромъ сдѣлалъ эту истину для всѣхъ одинаково убѣдительной и наглядной. Теперь и слѣпые прозрѣли, и у глухихъ отверзлись уши. Пусть заявленія благородныхъ людей о томъ, что существованіе рабства оскорбляетъ чувство человѣчности, по-прежнему казались «трезвымъ практикамъ» смѣшною сентиментальностью; пусть указанія вдумчивыхъ наблюдателей современности на экономическія невыгоды рабскаго труда какъ для народнаго, такъ и для государственнаго хозяйства по-прежнему принимались толпой рутинеровъ за отвлеченно-кабинетныя измышленія; но теперь, послѣ всего пережитого, «практика» и рутинеры уже не могли зажимать ротъ своимъ противникамъ ссылками на политическую необходимость крѣпостного порядка; теперь уже нельзя было объявлять крѣпостное право единственнымъ оплотомъ государственной мощи Россіи; завѣса спала, крѣпостная имперія, раскинувшая свои владѣнія въ двухъ частяхъ свѣта, предстала взорамъ всѣхъ безъ исключенія въ своемъ истинномъ видѣ:—колоссомъ на глиняныхъ ногахъ!

Лишь только былъ заключенъ Парижскій миръ, и вопросъ о войнѣ былъ покончен, обществомъ овладѣло настроеніе смутнаго ожиданія. Заключеніе мира было прелюдіей къ внутреннимъ реформамъ; это было ясно для всѣхъ, и только какіе нибудь Собакевичи и Коробочки, навѣки замурованные въ глуши своихъ усадебъ, могли еще обольщать себя увѣренностью, что «*этого*» никогда не будетъ.

А между тѣмъ манифестъ, возвѣщавшій о заключеніи мира, уже предувѣдомлялъ о необходимости капитальныхъ внутреннихъ преобразованій.

Отмѣна крѣпостного права и поземельное устройство

освобожденнаго крестьянства должны были явиться краеугольнымъ камнемъ этихъ преобразованій.

На первыхъ порахъ правительство, рѣшившееся вступить на путь реформъ, прибѣгло къ старому средству: въ 1875 г. императоръ Александромъ Николаевичемъ вновь былъ учрежденъ *секретный* комитетъ по крестьянскому вопросу. Этотъ комитетъ собрался лишь для того, чтобъ окончательно подтвердить своимъ примѣромъ достаточно уже испытанную непригодность бюрократическихъ пріемовъ въ разработкѣ коренныхъ государствен. реформъ. Теперь само правительство стремилось уже перенести разработку реформы на поприще общественнаго обсужденія, желая достигнуть того, чтобъ отказъ отъ крѣпостного права вышелъ изъ собственной среды дворянства. Опасеніе неудовольствій со стороны дворянства на лишеніе его тѣхъ преимуществъ, которыя вытекали изъ крѣпостного права, все еще сильно озабочивало прав-ство. И вотъ возникла идея—разрушить крѣпостное право руками самихъ дворянъ. Но какъ именно это сдѣлать? вотъ вопросъ, на который нельзя было найти никакого отвѣта въ обычной правительственной практикѣ того времени. Дореформенная Россія не знала никакихъ формъ участія общества въ законадательной дѣятельности. Приходилось вновь изобрѣтать эти формы, приходилось выпустить государственный корабль на просторъ еще неизвѣданнаго моря. Таковы были условія, благодаря которымъ правительство приступало къ преобразованію крѣпостныхъ отношеній безъ заранѣе обдуманнаго точнаго плана.

Въ началѣ преобразовательныхъ работъ никто еще не зналъ, въ какія очертанія сложатся ихъ конечные результаты. Великая реформа двигалась какъ бы сама собой, какимъ-то стихійнымъ внутреннимъ процессомъ, ея основы намѣчались мало-по-малу въ пылу самой работы, подъ вліяніемъ разнообразныхъ, нерѣдко неожиданныхъ, осложняющихъ обстоятельствъ. При учрежденіи секретнаго комитета 1857 г. никто еще не предвидѣлъ послѣдующаго возникновенія губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, которымъ было поручено начертать первоначальные проекты

преобразованія, а при началѣ работъ этихъ дворянскихъ комитетовъ никто не предвидѣлъ, что составленные ими проекты подвергнутся обработкѣ и переработкѣ въ такъ называемыхъ «редакціонныхъ комиссіяхъ», прежде чѣмъ общій сводный проектъ поступитъ на обсужденіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу и затѣмъ Государственнаго Совѣта. Такой ходъ разработки великой реформы не могъ не отразиться на добытыхъ въ концѣ концовъ результатахъ. «Положеніе» 19 февраля 1861 г. въ достаточной мѣрѣ отпечатлѣло на себѣ слѣды колебаній законодателя между разнорѣчивыми началами, поперемѣнно всплывавшими на поверхность въ теченіе разработки реформы. Духомъ компромисса вѣетъ на насъ отъ этого законодательнаго памятника. Но все же то былъ компромиссъ между различными стремленіями, гнѣздившимися въ самомъ *обществѣ* того времени. Вмѣстѣ съ духомъ компромисса на насъ вѣетъ отъ этого «Положенія» также и духомъ *борьбы*, цѣною которой была куплена каждая строка этого памятника. Гдѣ борьба, тамъ и жизнь, тамъ и надежда на побѣду. Пусть побѣда дается не сразу, пусть на каждомъ шагу приходится мириться съ временными взаимными уступками, но чѣмъ шире и просторнѣе арена борьбы, тѣмъ вѣрнѣе свободное соревнованіе общественныхъ силъ приблизиться къ той равнодѣйствующей, которая ведетъ къ осуществленію общественной справедливости. Характерной чертой крестьянской реформы 1861 г. явилось какъ разъ дѣятельное участіе общества въ ея выработкѣ. Учрежденіе губернскихъ комитетовъ было открытымъ обращеніемъ правительства къ общественной самодѣятельности. Въ этихъ комитетахъ сторонники и противники эмансипаціи впервые помѣрились силами. Комитеты раздѣлились на большинства и меньшинства, между которыми возгорѣлась жаркая борьба. Въ иныхъ мѣстахъ дѣло доходило до того, что нѣкоторые члены являлись на засѣданіе комитетовъ не иначе, какъ съ револьверомъ въ карманѣ. Одинъ изъ видныхъ участниковъ реформы, Юрій Самаринъ, писалъ про эту борьбу сторон-

никовъ освобожденія съ вожделѣніями крѣпостнической партіи! «Временами бываетъ страшно тяжело, а все же во сто кратъ лучше прежней спячки». Въ то же время на страницахъ серьезныхъ журналовъ кипѣла полемика по основнымъ вопросамъ реформы, такъ какъ съ учрежденіемъ губернскихъ комитетовъ повременной печати было разрѣшено,—къ сожалѣнію не надолго,—свободное обсужденіе крестьянскаго дѣла. Участіе общества въ подготовкѣ реформы продвинулось и далѣе: въ виду преобладанія крѣпостническаго большинства въ составѣ какъ губернскихъ комитетовъ, такъ и главнаго комитета по крестьянскому вопросу, люди, стоящіе на стражѣ крестьянскихъ интересовъ, добились учрежденія особой «редакціонной комиссіи» для сводки и обработки всѣхъ губернскихъ проектовъ. Составъ этой комиссіи былъ далеко не обыченъ—кромѣ правительственныхъ членовъ, туда вошли члены-эксперты, приглашенные изъ среды тѣхъ круговъ дворянства, которые сочувствовали дѣлу эмансипаціи. Членовъ-экспертовъ было вдвое болѣе, чѣмъ членовъ отъ правительства: первыхъ было—20, послѣднихъ—11. Все это были сливки тогдашней интеллигенціи, блиставшіе такими именами, какъ Николай Милютинъ, какъ Юрій Самаринъ. Проектъ, выработанный редакціонными комиссіями, въ свою очередь, былъ подвергнутъ критикѣ депутатовъ, вызванныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, и взаимная полемика депутатовъ и редакціонныхъ комиссій составила одинъ изъ наиболѣе драматическихъ моментовъ въ исторіи разработки реформы. Не вдаваясь въ подробности, я лишь вкратцѣ намѣчу здѣсь, съ какой постепенностью выяснялись начала реформы во время всѣхъ этихъ перипетій. Секретный комитетъ 1857 г. ограничился принципіальнымъ признаніемъ необходимости отмѣны личной крѣпостной зависимости, оговоривъ при этомъ, что освобожденіе можетъ быть осуществлено лишь медленнымъ путемъ частичныхъ мѣропріятій. Освобожденіе допускалось безземельное, развѣ только съ выкупомъ однѣхъ усадебъ. Затѣмъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, изданномъ

въ ноябрѣ 1857 г. на имя виленскаго ген.-губ. Назимова, были провозглашены слѣдующія начала: крестьянамъ даруется личная свобода безъ выкупа, помѣщикамъ сохраняется право *собственности* на всю свою прежнюю землю, съ обязательствомъ выдѣлить въ *пользованіе* крестьянъ за оброкъ или барщину опредѣленные участки; въ теченіе 10 лѣтъ крестьяне имѣютъ право выкупить въ собственность свои *усадьбы*, но *не* земельный надѣлъ. Помѣщикъ сохраняетъ въ своихъ рукахъ вотчинную полицію въ предѣлахъ имѣній. На почвѣ этихъ началъ должны были приступить къ работѣ губернскіе комитеты. Меньшинства этихъ комитетовъ въ союзѣ съ передовой журналистикой вывели реформу на новый путь. Ко времени учрежденія редакціонныхъ комиссій былъ выдвинутъ рядъ новыхъ началъ: идея *выкупа* крестьянами въ собственность *земельныхъ надѣловъ* при помощи правительственной финансовой операціи; прекращеніе срочно-обязаннаго положенія съ совершеніемъ выкупа надѣловъ; отмѣна вотчинной власти помѣщика; необходимость установленія крестьянскаго самоуправленія. Редакціоннымъ комиссіямъ выпало на долю отстоять эти начала отъ поползновенія крѣпостнической партіи и развить ихъ въ стройное, объединенное единымъ принципомъ, положеніе. Въ значительной мѣрѣ, благодаря ихъ стараніямъ, реформа была въ концѣ концовъ осуществлена на четырехъ основаніяхъ: личное освобожденіе безъ выкупа, обязательный выкупъ усадебъ, добровольный выкупъ земельныхъ надѣловъ, сословное крестьянское самоуправленіе. Но и усилія крѣпостнической партіи не остались безслѣдными: размѣры земельныхъ надѣловъ были сильно урѣзаны противъ первоначальныхъ предположеній, а размѣры оброчныхъ и выкупныхъ платежей повышены несоразмѣрно съ дѣйствительною стоимостью надѣльной земли. И то, и другое тяжело отразилось на судьбѣ освобожденнаго крестьянина при практическомъ осуществленіи провозглашенныхъ реформою началъ.

Осуществленіе крестьянской реформы обязывало къ дальнѣйшимъ преобразовательнымъ шагамъ. Завершеніе

общественнаго раскрѣпощенія прежде всего логически вызывало вслѣдъ за собою переработку системы государственныхъ податей и повинностей. Разъ всѣ сословія стали равны передъ лицомъ закона по своимъ гражданскимъ правамъ, прежнее раздѣленіе общества на податныя и неподатныя состоянія теряло оправданіе. Несеніе государственныхъ повинностей должно было принять всесословный характеръ. Такъ, введеніе всесословной воинской повинности явилось непосредственнымъ слѣдствіемъ обновленія нашего гражданскаго быта. Къ сожалѣнію, податная система, вопреки общему направленію преобразовательной эпохи, сохранила на себѣ многія черты, унаслѣдованныя отъ крѣпостническаго строя. Далѣе, народившаяся гражданская равноправность всей совокупности населенія создавала возможность объединенной дѣятельности всѣхъ сословій въ области управленія, а паденіе крѣпостническаго принципа должно было ограничить то господство бюрократіи, которое выросло нѣкогда именно на основѣ закрѣпощенности общественныхъ классовъ. Такъ, реформа крестьянская расчищала почву для введенія всесословнаго земскаго самоуправленія. Но земская реформа, осуществленная черезъ четыре года послѣ крестьянской, подготовлялась уже при совершенно иной обстановкѣ. Конечная цѣль обѣихъ реформъ была одна и та же: призваніе Россіи къ обновленному существованію. Но при выработкѣ каждой изъ этихъ реформъ настроеніе правящихъ круговъ было глубоко различно. Въ 1861 году враги преобразованія получили отъ законадателя нѣкоторыя уступки въ свою пользу, только благодаря собственнымъ дружнымъ усиліямъ, въ 1864 г. наоборотъ—все главное руководство подготовкой реформы попало въ руки той партіи, которая неодобрительно смотрѣла на смѣлую преобразовательную дѣятельность, въ глубинѣ души жалѣя о старинѣ. Прежній министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской и его товарищъ Н. Милютинъ получили отставку. Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ сталъ Валуевъ, принимавшійся за земскую реформу, скрѣпя сердце, только потому,

что избѣжать этой реформы не позволяла могущественная сила событій. Обращенія къ содѣйствію всего общества при выработкѣ реформы уже не воспослѣдовало. Проектъ земскаго положенія былъ составленъ въ правительственной комиссіи, въ которую были приглашены лишь нѣкоторые эксперты, и затѣмъ прямо поступилъ въ Государственный Совѣтъ. Въ 1864 г. Россія получила всесословное земское самоуправленіе. Многія черты земскаго положенія отразили на себѣ ту мнительность, подъ давленіемъ которой работали его составители. Въ скрытомъ видѣ во всесословное земство было все же проведено начало сословности съ предоставленіемъ значительнаго преобладанія дворянскому классу. Такъ, при земскихъ выборахъ избиратели группировались не по округамъ, не по мѣсту жительства, а по составу имущества, при чемъ за этими имущественными группами крылись въ сущности чисто сословныя дѣленія—помѣщики, сельскія общества и городскія общества. Количество гласныхъ, избиравшееся каждой изъ этой группъ, было неравномѣрно: на сторонѣ гласныхъ отъ дворянъ оказывался громадный количественный перевѣсъ. Кругъ дѣятельности, предоставленный новому земству, былъ строго ограниченъ узкими рамками мѣстныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, при чемъ земство не получило даже власти принужденія по отношенію къ издаваемымъ имъ постановленіямъ и распоряженіямъ. Наконецъ, земство было подчинено во всѣхъ шагахъ своей дѣятельности весьма стѣснительному контролю администраціи. Конечно, контроль въ общественныхъ дѣлахъ былъ необходимъ, но для поднятія значенія земства было бы гораздо предпочтительнѣе подчинить земскіе органы самостоятельной отвѣтственности передъ судомъ, чѣмъ обрекать ихъ хожденію на помочахъ административнаго надзора. И все же, при всѣхъ этихъ недостаткахъ и пробѣлахъ закона,—земское положеніе 1864 года открыло собой новую эру въ жизни русскаго общества; и кто способенъ убѣжденно обвинять русское земство въ безплодности 37-лѣтняго существованія, тотъ обнаруживаетъ только одно: полное невѣдѣніе истиннаго

состоянія русской дореформенной, до-земской провинціи.

Черезъ 6 лѣтъ послѣ осуществленія земской реформы всесословное самоуправленіе было распространено и на города. По способу своей выработки городская реформа 1870 г. заняла среднее положеніе между реформами крестьянской и земской. Подобно первой, городская реформа сопровождалась обращеніемъ къ обществу въ лицѣ особо учрежденныхъ въ городахъ комиссій изъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій городского населенія; подобно второй—эта реформа была осуществлена независимо отъ стремленій передовыхъ элементовъ общества, при чемъ многія изъ заявленій, упомянутыхъ комиссіей, были оставлены безъ вниманія. Въ комиссіяхъ городскихъ депутатовъ, между прочимъ, проявились слѣдующія стремленія: наряду съ имущественнымъ цензомъ для городскихъ гласныхъ установить и образовательный цензъ, съ цѣлью введенія въ составъ городскихъ думъ наибольшаго количества интеллигетныхъ обывателей города; отмѣнить дѣленіе городского общества на разряды для укрѣпленія единства городскихъ интересовъ; количество гласныхъ отъ каждаго сословія соразмѣрить съ численностью сословій; подчинить дѣятельность думъ одному общественному контролю; установить выборную отъ города полицію.

На самомъ дѣлѣ въ городовомъ полож. 1870 г. былъ установленъ для гласныхъ и ихъ избирателей только имущественный цензъ, при чемъ въ составъ гласныхъ и избирателей были допущены только домовладѣльцы съ исключеніемъ квартиронанимателей, была установлена такая система выборовъ, по образцу прусской, благодаря которой въ составѣ гласныхъ получили численный перевѣсъ представители наиболѣе состоятельныхъ классовъ городского населенія; кругъ дѣятельности органовъ городского управленія и ихъ подчиненности административному надзору былъ поставленъ приблизительно въ тѣ же рамки, какія были созданы и для земствъ положен. 1864 г.

Наконецъ, обновленіе государств. механизма, обусловленное раскрѣпощеніемъ сословій, завершалось созданіемъ новыхъ судебныхъ учрежденій, Реформа суда входила неустра-

нимымъ звеномъ въ цѣпь преобразованій 60-хъ гг. Судъ—регуляторъ практическаго дѣйствія освященнаго закономъ государственнаго порядка. Съ кореннымъ видоизмѣненіемъ этого порядка не можетъ не измѣниться и судъ въ своихъ основахъ.

Историки преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ единогласно признаютъ судебную реформу 1864 года наиболѣе удавшейся, наиболѣе совершенной изъ всѣхъ реформъ этого замѣчательнаго десятилѣтія. Разнообразныя причины создали эту удачу. Съ одной стороны, выработка судебной реформы не осложнялась той борьбой классовъ, которая была возбуждена проведеніемъ крестьянской реформы; съ другой стороны, подготовка судебной реформы была введена строго систематично: прежде разработки частностей были точно установлены и получили утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ коренныя основы всего преобразованія, отъ которыхъ затѣмъ уже не допускалось никакихъ уклоненій. Наконецъ,—разработка судебной реформы попала въ хорошія, надежныя руки горячо преданнаго благу Россіи кружка молодыхъ юристовъ во главѣ съ Зарудным. Еще въ 50-хъ гг. во второмъ отдѣленіи собственной его Величества канцеляріи были выработаны проекты преобразованій по судебной части. Составленные однимъ изъ дѣятелей николаевскаго царствованія Блудовымъ, эти проекты были пропитаны тѣмъ духомъ нерѣшительности, колебанія между новыми идеями и старыми порядками, который былъ такъ свойственъ преобразовательнымъ попыткамъ той эпохи. Въ 1861 г., тотчасъ по освобожденіи крестьянъ, государственная канцелярія получила порученіе переработать блудовскіе проекты. а въ 1862 г. Высочайшимъ рескриптомъ той же канцеляріи было повелѣно преобразовать судебную часть «на основаніи опыта науки и европейскихъ государствъ». Тутъ-то и выдвигается на первый планъ кружокъ прикомандированныхъ къ государственной канцеляріи юристовъ со своимъ вдохновителемъ Зарудным. Въ сентябрѣ 1862 г. черезъ государственный Совѣтъ проходятъ «главныя начала» судебной реформы.

Затѣмъ комиссія при государственной канцеляріи раздѣлилась на три секціи для начертанія проектовъ судебныхъ уставовъ, на основаніи уже утвержденныхъ общихъ началъ, а 20 ноября 1864 г. Высочайшій рескриптъ возвѣстилъ о созданіи новаго труда. Въ основу судебной реформы были положены слѣдующія начала: равенство всѣхъ сословій передъ судомъ; публичность и гласность процесса; отдѣленіе судебной власти отъ административной, начиная уже съ мировыхъ судебныхъ установленій; отдѣленіе сужденія о фактѣ преступленія отъ сужденія о выборѣ наказанія за признанное преступленіе и въ связи съ этимъ учрежденіе института присяжныхъ засѣдателей; состязательность процесса и созданіе присяжной адвокатуры; самостоятельное положеніе мирового суда, подчиненнаго наравнѣ съ общими судами непосредственно сенату. Конечно, и судебная реформа 1864 года, какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, не избѣгла недостатковъ. Въ числѣ этихъ недостатковъ компетентные цѣнители указываютъ на неблагопріятное для правильности процесса совмѣщеніе въ прокуратурѣ роли частнаго обвиненія съ ролью правительственнаго надзора, на зависимость судебныхъ слѣдователей отъ прокурорской власти, на отсутствіе состязанія сторонъ при предварительномъ слѣдствіи и т. п. Но всѣ эти недостатки касаются все-таки частностей, подробностей, которыя должны быть усовершенствованы, но которыя и въ настоящемъ своемъ состояніи все-таки не умаляютъ великихъ достоинствъ судебныхъ уставовъ императора Александра II.

Мы обозрѣли главнѣйшія реформы, осуществленныя въ 60-хъ годахъ. Ихъ сопровождали и другія преобразованія, касавшіяся, напримѣръ, государственнаго счетоводства, высшаго народнаго образованія, положенія повременной печати и т. д., всѣ такъ или иначе проникнутыя обновительнымъ духомъ эпохи и направленныя къ обезпеченію началъ строгой законности и свободнаго общественнаго развитія. Исчерпывали ли всѣ эти преобразованія назрѣвшія нужды Россіи? Конечно, нѣтъ; скорѣе наоборотъ—они только расчи-

щали почву для дальнѣйшей плодотворной работы въ намѣченномъ направленіи, работы, которая не можетъ остановиться, пока не остановится пульсъ народной жизни, вѣчно рождающей все новые запросы и ставящей передъ законодателемъ все новыя задачи. Застой, оцѣпененіе, это—лозунгъ дореформенной эпохи; движеніе впередъ—вотъ лозунгъ новой Россіи.

V.

Пореформенная Россія второй половины XIX вѣка.

Реформаціонная эпоха 60-хъ годовъ принесла свои плоды. Сопоставьте Россію первой и второй половины XIX ст., и вы поразитесь грандіозностью пережитаго ею за это время превращенія. Это какъ бы два государства, родственныя другъ другу, но безконечно различающіяся другъ отъ друга очертаніями своего жизненнаго склада. Раскрѣпощеніе труда дало могучій толчекъ развитію народного и государственнаго хозяйства, и, если успѣхи русской промышленности омрачаются картиной обнищанія русской деревни, то вина послѣдняго обстоятельства падаетъ не на основныя начала крестьянской реформы, а на тѣ ея пробѣлы и непослѣдовательности, источникъ которыхъ мы отмѣтили выше. По оживленію своихъ торговопромышленныхъ оборотовъ, по усовершенствованію своихъ путей сообщенія*), по изощренію своей житейской культуры пореформенная Россія сдѣлала такіе крупные шаги по пути приближенія къ культурѣ европейскаго Запада, о которыхъ не могла и мечтать Россія Александра I и Николая I. Конечно, и въ наши дни крупные городскіе центры и провинціальная глушь представляютъ собою по отношенію другъ къ другу, какъ бы два разнородные міра, различающіеся своими успѣхами не только количественно, но и качественно; но и въ этомъ отношеніи прогрессъ сравнительно съ предшествовавшей эпохой неизмѣримо великъ. Достаточно

*) Въ годъ смерти императора Николая I желѣзнодорожная сѣть Россіи вся была уложена на 900 вер. (ж. д Николаевская, Царско-сельская и небольшой участокъ отъ Варшавы до австрійской границы). Въ 70-хъ гг. она покрывала уже около 20 тысячъ вер. Телеграфная сѣть въ годъ смерти императора Николая I не превышала 2000 вер., а къ концу царствованія Александра II она составляла почти 75 тысячъ верстъ.

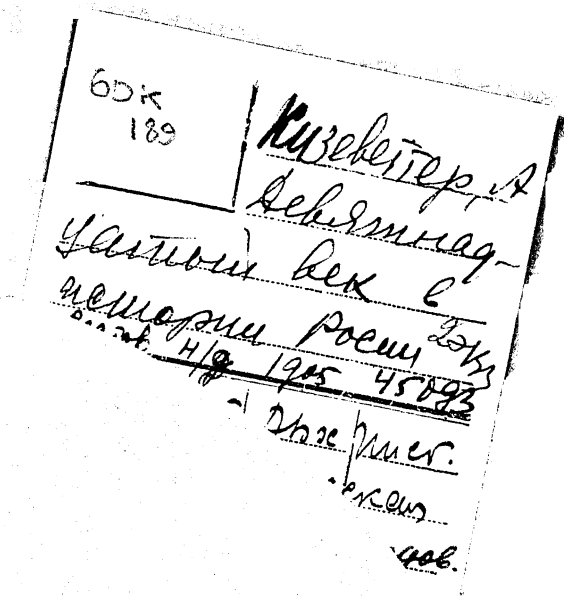
напоминать, что сельская больница и сельская школа— сверстницы русскаго земства: для дореформенной провинціи все это были бы столь же диковинныя вещи, какъ и желѣзная дорога, телефонъ или фонографъ. Съ ростомъ народнаго богатства, съ развитіемъ и усложненіемъ общественной жизни, съ взаимнымъ сближеніемъ сословій естественно было ожидать неослабнаго усиленія и преобразовательной правительственной дѣятельности при все большемъ согласованіи ея съ направленіемъ мужающей общественной мысли. Какіе же новые гаризонты открывались передъ взоромъ законодателя? Прежде всего надлежало подвести балансъ обширному наслѣдію, оставшемуся отъ законодательнаго творчества 60-хъ гг. Реформы этихъ лѣтъ, какъ мы только что видѣли, всѣ были логически объединены общимъ основнымъ принципомъ. Однако, въ цѣломъ рядѣ весьма существенныхъ подробностей онѣ представили уклоненія отъ этого принципа. Не во всемъ онѣ гармонировали другъ съ другомъ; да даже и взятыя въ отдѣльности, не всѣ онѣ выдержали свой основной принципъ съ полной послѣдовательностью. Причина этого крылась, какъ мы уже знаемъ, частью въ борьбѣ классовъ за свои противорѣчивые интересы, заставившей законодателя лавировать между взаимными уступками, частью въ измѣнчивомъ настроеніи самихъ правящихъ круговъ въ теченіе реформаціоннаго десятилѣтія. Очищеніе великихъ законодательныхъ памятниковъ отъ этихъ непослѣдовательностей, заполненіе оставленныхъ въ нихъ пробѣловъ, вотъ что могло бы послужить естественной исходной точкой дальнѣйшихъ успѣховъ нашего политическаго развитія. Но историческія обстоятельства сплелись иначе. Въ 70-хъ годахъ преобразовательная работа пресѣклась, если не считать созданія классической школьной системы, недавно торжественно осужденной съ высоты трона и,—надо думать, доживающей теперь свои послѣдніе дни.

Эпоха законодательнаго творчества смѣнилась эпохой усиленной борьбы съ оппозиціей, которая получила теперь выдающееся значеніе въ общественной жизни Россіи. А когда

въ 80 и 90 гг. систематическія законодательныя работы были возобновлены, ихъ общее направленіе уже не было обвѣяно освободительнымъ духомъ минувшей реформаціонной эпохи. Новыя положенія земское (1890 г.) и городовое (1892 г.) еще болѣе ограничили область общественнаго самоуправленія, еще болѣе усилили административную надъ нимъ опеку и открыли дальнѣйшій просторъ возрожденію сословнаго начала въ строѣ мѣстнаго управленія. Не остались въ неприкосновенности и судебные уставы имп. Александра II: рядомъ новыхъ законовъ былъ поколебленъ принципъ несмѣняемости судей, ограничена гласность процесса, сужена область дѣйствія суда присяжныхъ.

Этихъ немногихъ указаній достаточно для характеристки того поворота, который окончательно намѣтился съ 80-хъ годовъ въ ходѣ нашей внутренней политики. Преобразовательная программа 60-хъ годовъ не была отвергнута цѣликомъ, это было бы и невозможно въ виду глубокой жизненности ея основныхъ началъ, но предпринятая переработка унаслѣдованныхъ отъ нея учрежденій шла все же слишкомъ далеко, не ограничиваясь частностями, знаменуя собою принципіальное измѣненіе политическаго курса.

XIX вѣкъ въ исторіи Россіи разбивается на двѣ половины. Первая половина его является завершеніемъ вѣкового процесса раскрѣпощенія общества. Въ XVIII в. было раскрѣпощено дворянство и были сдѣланы первые отдаленные шаги къ созданію свободнаго городского общества. Къ срединѣ XIX ст. раскрѣпощеніе было распространено на все населеніе имперіи. Со второй половины XIX ст. открывается эпоха выработки новыхъ началъ общественнаго и государственнаго быта для раскрѣпощенія Россіи. На этомъ пути нами пройдены пока лишь первые этапы.



60к
189

Кизеветер, А.
Девятнадцатый век в истории России
Бакс
Москва 4/8 1905 45093
Дых. Лист.
...ексия
...ов.

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

113 **Чириковъ**—Такое счастье . 5 к.
114 **Н. Рубакинъ**—Книгоноша . . . 12 к.
115 **В. Короленко**—Сказаніе о Флорѣ . . . . . 3 к.
116 **Л. Андреевъ**—Весенніе обѣщанія . . . . . 3 к.
117 **И. Наживинъ**—Ложь . . . . . 1½ к.
118 **Суздальцевъ**—Остлеръ, другъ фабричныхъ дѣтей . . . . 3 к.
119 **Крюковъ**—Въ родныя мѣста . 5 к.
120 **В. Г. Короленко**—Государевы имущики . . . . . 7 к.
121 **М. Конопницкая**—Якточъ . . . .
122 **А. Яблоновскій**—Нухомъ . . .
123 **П. Бутошинъ**—Случай № 212 .
124 **С. Русова**—Какъ болгаре добыли себѣ свободу . . . . . 6 к.
125 **В. Короленко**—На затменіи . . 3 к.
126 **Погорѣловъ**—Въ глуши . . . . 3 к.
127 **Юшкевичъ**-Кабатчикъ Гейманъ 4 к.
128 **Наживинъ**—Въ степи . . . . . 1½ к.
129 **Конопницкая**—Мендель Гданскій . . . . . к.
130 **А. Пругавинъ**—Миллионъ . . . . 8 к.

Здѣсь же складъ.

Основныя черты правового государства . . . . . 10 к.

М. С. Балабановъ—Фабричные законы . . . . . 75 к.

И. И. Дитятинъ—Статьи по исторіи русск. права 2 р. 50 к.

I. Русскій дореформенный городъ. II. Наши города за первыя три четверти настоящаго столѣтія. III. Къ исторіи „жалованныхъ грамотъ“ дворянству и городамъ 1785 года. IV. Къ исторіи городового положенія 1870 года. V. Наше городское самоуправленіе. VI Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи московскаго государства. VII. Очеркъ исторіи цеховъ въ Западной Европѣ. VIII. Екатерининская комиссія 1767 года „О сочиненіи проэкта новаго уложенія“ IX. Изъ исторіи мѣстнаго управленія. X. Царскій кабакъ Московскаго государства. XI Когда и почему возникла рознь въ Россіи между „командующими классами“ и „народомъ“. XII. Верховная власть въ Россіи XVIII столѣтія.

Н. А. Рубакинъ—Искорки . . . . . 1 р. —

Главный складъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону, Казанская ул., № 42.

Лица, выписывающія на 3 руб., въ предѣлахъ Европ. Россіи (просятъ деньги присылать впередъ, можно марками), за пересылку не платятъ.

Книжные магазины пользуются 30% скидкой.

ОТДѢЛЕНІЯ:

Въ Петербургѣ—въ книжн. магаз. О. Н. Поповой Невскій, 54.
Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“, Тверская улица.
Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская ул.
Въ Вяткѣ, Въ Саратовѣ, Въ Харьковѣ } книжные склады губернскихъ земствъ.

Допв. цензъ. Ростовъ на Дону.—Акціонерная печатня